

Отец
для двоих

АДАЛИН ЧЕРНО

Адалин Черно

Отец для двоих

Серия «Второй шанс (Адалин Черно)», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68780142*

Аннотация

– Это правда, что у вас есть второй ребенок, но вы занимаетесь воспитанием только одного? – слышу женский голос в толпе журналистов.

– Разумеется, нет, следующий вопрос.

– Мы нашли вашего сына, – парирует журналистка. – У нас есть фотографии.

Фото я получаю через минуту. Ошарашенно рассматриваю мальчика. У него такой же редкий цвет глаз, как у меня. Умно, конечно, приписать мне...

Замираю, потому что вижу последнюю фотографию. Вижу ее. Оля держит на руках того же мальчика и улыбается.

– Объясните, почему вы не участвуете в воспитании второго сына?

– Без комментариев.

Я расталкиваю журналистов и иду к машине. Самые настойчивые бьют по стеклу и крыше авто, требуя ответа.

Я же быстро делаю снимки на телефон и отправляю своему помощнику со словами:

– Лебедева Ольга. Найти. Срочно!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	30
Глава 5	36
Глава 6	47
Глава 7	52
Глава 8	63
Глава 9	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Адалин Черно

Отец для двоих

Глава 1

Макар

– Снова голова? – спрашивает Ира, с сочувствием наблюдая за тем, как я морщусь.

– Есть обезболивающее? – спрашиваю с надеждой.

Улыбнувшись, Ира тянется к сумке и достает оттуда упаковку обезболивающих. Я ни разу не видел, чтобы она их принимала, значит, берет их для меня. В Ире я ценю не только профессионализм: она прекрасный анестезиолог, но и вот такие мелочи, которые она подмечает. Впрочем, это ее работа. Вместе с должностью анестезиолога она занимает и место моего личного помощника-ассистента.

– Держи.

Вместе с таблеткой она протягивает мне бутылку с водой. Я быстро выпиваю лекарство и откидываю голову на спинку сиденья. Раскалывается жутко. За последний месяц стало хуже. Сам знаю, что пора провериться, потому что признак фиговый, но времени на беготню по больницам у меня нет. Я наконец-то осуществил свою мечту – построил собственную

клинику пластической хирургии.

– Лёш, притормози немного, – просит Ира. – Поезжай медленнее.

– Я в порядке, – отвечаю, хотя чувствую себя иначе.

– Там толпа журналистов, – поясняет Ира. – Ты же знаешь, какими шумными они бывают. И настойчивыми.

– Лучше не знать.

Я снова морщусь, вспоминая, как полгода назад толпы журналистов наседали на меня. Словно так давно это было, а прошло только полгода. Шесть месяцев, которые кардинально изменили мою жизнь. Переписали, будто с чистого листа. Единственное, что осталось неизменным – воспоминания.

Когда автомобиль подъезжает к клинике, я сразу же натываюсь на акул пера. Стоят с камерами и микрофонами, у кого-то в руках блокноты. Не остается сомнений, что начнут донимать меня вопросами. Выкрикивать их один за другим.

– Не позволяй им залезть себе на шею, – говорит Ира напоследок и, сложив ладонь в кулак, заносит ее над головой.

Я решительно открываю дверь автомобиля и выхожу из машины. При виде меня толпа оживляется, девушки улыбаются, парни пробираются вперед. После вчерашнего объявления о том, что уже с сегодняшнего дня клиника доктора Макара Измайлова начинает принимать пациентов, всем захотелось взять у меня интервью.

– Добрый день, – начинает самый смелый парнишка. На вид ему лет двадцать пять, не больше. – Скажите, к вам в

клинику уже кто-то записался или никто не доверяет доктору-мошеннику?

Я сжимаю зубы до хруста, чтобы не врезать первому же журналисту. И, казалось бы, что такого? Я прошел через это уже давно, газеты и интернет-издания давно прополоскали меня, как могли, но я все равно бешусь.

– Мы с вами прекрасно знаем, что я никогда не был мошенником. Все обвинения сняты, мне принесены официальные извинения.

Эти слова пролетают у журналиста мимо ушей. Он лишь слегка заметно кивает и продолжает:

– И все же... пациенты уже есть?

– Да. Я ведь неоднократно говорил, что в моей клинике будут работать только лучшие специалисты. Мои клиенты, которые оперировались у меня, не доверят свою внешность никому другому.

– Надеетесь переманить пациентов из клиники, где раньше работали?

– Надеюсь, вы перестанете задавать глупые вопросы.

Парень поджимает губы, и право говорить переходит к другому человеку. Меня спрашивают об оборудовании, о финансировании, ведь на такой крупный проект требовалось немало денег. И, конечно же, о моем задержании после заявления главврача клиники, в которой я работал. Меня обвинили в мошенничестве и халатности. Я якобы проводил пациентам операции, которые им были не нужны. Советовал

подтянуть и без того идеальную кожу лица, улучшить форму груди, вставив импланты, провести липосакцию пациентке, которая пришла совсем не за этим.

В клинике, где я раньше работал, таким промышляли частенько. Я никогда подобным не занимался, и, естественно, ко мне начали выстраиваться очереди. Никому не хочется прийти к пластическому хирургу, чтобы сделать блефаропластику, а выйти с целым перечнем рекомендуемых операций. Попахивает покупкой нового девайса у консультанта, который пытается впарить тебе чехол, защитную пленку и страховку на все возможные и невозможные случаи.

– Как планируете рекламировать свою клинику? Будете обзванивать клиентов, которые уже вас знают?

– Нет. Никого переманивать мы не будем. Наши двери открыты для всех, и развиваться мы будем, как и остальные – баннерной и телевизионной рекламой, блог-страницами в социальных сетях.

– Вы ведь сказали, что первые ваши клиенты – те, кто уже у вас был?

– Я этого не говорил. Всего лишь заметил, что являюсь для тех, кто ко мне единожды попал, лучшим.

Через десять минут, когда я решаю, что вопросы закончены, и собираюсь сбежать в клинику, меня останавливает женский голос:

– Еще один вопрос!

Что-то в ее голосе заставляет меня остановиться и даже

развернуться к журналистам.

– Это правда, что у вас есть второй ребенок, но вы занимаетесь воспитанием только одного? – слышу женский голос в толпе журналистов.

Следом обнаруживаю взглядом ту, которая задает вопрос. Она сама продирается ко мне через других, выходит в центр и ожидает ответа. Ничем не примечательная женщина, обычная журналистка, даже взгляд не вызывающий, спокойный. Такая не полезет рыть, чтобы искать сенсацию. Значит, проплаченная. Интересно только, кем. Неужели мой бывший босс все не уgomонится?

– Разумеется, нет, следующий вопрос.

Отвечать стараюсь невозмутимо, спокойно, хотя у самого все клокочет внутри. Я вообще не умею с журналистами общаться, оказывается. После обвинений меня задержали, отпустили из СИЗО не сразу, помариновали, пока стало понятно, что кроме обвинений от моего начальника у них больше нихрена нет. Я помню, как вышел, а там – толпа журналистов. Все с иголки одетые, чистые, с микрофонами и ручками, а я несколько дней не мылся и не брился, вышел в той же одежде, в которой зашел.

– Мы нашли вашего сына, – парирует журналистка. – У нас есть фотографии.

Я сжимаю зубы до хруста. Фотографии у них есть, как же! Мысленно считаю до ста, чтобы не вспоминать, как сильно я ненавижу журналистов.

Фото я получаю через минуту. Ошарашенно рассматриваю мальчика. У него такой же редкий цвет глаз, как у меня. Умно, конечно, приписать мне...

Замираю, потому что вижу последнюю фотографию. Вижу ее. Оля держит на руках того же мальчика и улыбается. Это как удар под дых. Вышибает из груди воздух сразу же, и получить очередную порцию кислорода становится невероятно сложно. Практически невозможно.

– Объясните, почему вы не участвуете в воспитании второго сына?

– Без комментариев.

Я умею отбиваться от них. Пришлось научиться после того, как мои фото сразу после освобождения заполнили интернет-издания и газеты. Меня не полоскали разве что мои довольные клиенты, уверенные на все сто в том, что я действительно умею оперировать. Тогда я этого не знал, отвечал на вопросы неумело, как врач. Потом пришлось нанять юриста, и меня всему научили.

Я расталкиваю журналистов и иду к машине. Самые настойчивые бьют по стеклу и крыше авто, требуя ответа. У меня его нет, потому что ребенка на фотографии я вижу впервые. Олю, конечно же, узнал...

– Что случилось? – ошарашенно спрашивает Ира. – На тебе лица нет, ты побледнел. Что за фотографии?

Ира пытается забрать их у меня из рук, но я их выдираю, держу крепко и не отдаю. Там Оля и мальчик с моим цветом

глаз. Какова вероятность, что это просто совпадение? Вдруг после нашего расставания она нашла мужчину с таким же цветом, как у меня? Разве невозможно? Я уверен, что такое может быть, но все равно внутри что-то сжимается.

– Что они сказали? – допытывается Ира, которая сейчас почему-то раздражает.

– Помолчи! – рявкаю резко и уже мягче добавляю: – Мне нужно подумать.

Если Ира и обижается, то виду не подает. Хмуро отворачивается и дает команду Лёше ехать. Личный водитель у меня, кстати, тоже появился не так давно. Вообще, ощущение, что я живу не своей жизнью. Моя была обычной, понятной и спокойной. По утрам я просыпался, собирал сына в сад и шел в больницу. Оперировал до вечера и забирал сына, играл с ним, готовил ужин и укладывал спать. Когда меня вызывали по ночам, приходилось звонить матери. Та уже потом звонила Жанне и привозила ее с собой.

«– У ребенка должна быть мать! – тараторила она. – Дай ей шанс.

– Где эта мать была, когда ему нужно было молоко? – зло отвечал я. – Когда он делал первые шаги?»

Шанса Жанне я давать не собирался. Дал в самом начале, когда узнал о беременности. Прикрываю глаза. Головная боль снова возвращается. Воспоминания давят, вскрывают мою черепную коробку. Жанна ребенка не хотела, это я потом понял. Даже избавиться от него пыталась.

Я сам все похерил. Не знаю, как так вышло, что мы с Жанной проснулись в одной постели. Помню, поссорились с Олей в очередной раз. Она ткнула в то, что я не принимаю помощь ее отца и не хочу идти к нему на работу. Я, сцепив зубы, сказал, что лучше буду подметать дороги, но работать к нему не пойду.

Оля разозлилась, я вспылil. Дома оказалась мама с бутылкой. Я до того дня не пил никогда, но тогда захотелось хотя бы попробовать. Понять, что люди находят в алкоголе. Неужели и правда можно забыться, и станет легче?

Я тогда забылся настолько, что не помнил ничего. Проснулся в одной постели с Жанной, которая смотрела на меня с преданной улыбкой. Возненавидел себя, потому что Жанна мне никогда не нравилась как девушка. Я видел в ней соседку, подругу, может быть, даже сестру, но не более.

Переспать с ней было верхом глупости, но я пошел дальше – попросил ее скрыть, что между нами что-то было. Думал, пронесет. Не пронесло, конечно. Через месяц Жанна сообщила о беременности, и я бросил Олю. Ушел, ничего не сказав. Решил, что это лучше правды. Хотя, оглядываясь на шесть лет назад, понимаю, что просто трусил. Олю любил очень сильно и просто не смог ей признаться в предательстве. Духу не хватило.

– Макар, – Ира аккуратно касается моего плеча.

Возвращает в реальность и смотрит обеспокоенно.

Я же быстро делаю снимки на телефон и отправляю свое-

му помощнику со словами:

– Лебедева Ольга. Найти. Срочно!

Егор работает на меня вместе с Ирой. Его я дергаю в крайних случаях, в таких, где ей ни за что не справиться. Егор отвечает почти сразу, не заставляя себя ждать.

– Понял, принял. Дай мне сутки.

Глава 2

Ирина демонстративно молчит и что-то печатает в телефоне. Обиделась. Я немного прихожу в себя от новостей и отдаю Лёше новое распоряжение:

– Везем Иру домой и едем за Степаном.

Ира поджимает губы, но спорить не пытается. Привыкла уже к тому, что мои указания возражениям не подвергаются. Едем молча, думая каждый о своем. У дома Иры останавливаемся. Она медлит, что-то хочет сказать, но затем лишь протягивает мне упаковку с таблетками и покидает автомобиль.

Я кручу пачку в руках, но пить новую таблетку не решаюсь, хотя голова снова болит. Воспоминания давят, хочется вернуться назад и все изменить. Легко видеть свои косяки спустя годы и твердо знать, как нужно было сделать. А тогда казалось, что правильно. Отпустить, отойти в сторону, последовать совету отца Оли и дать девочке шанс встретить нормального мужика, а не нищегорода.

Я сжимаю зубы до хруста и снова смотрю на фотографию. Оля держит на руках сына, улыбается, когда его целует. Глаза мальчика светятся счастьем. Я уже знаю, что это мой сын. Не сомневаюсь даже, хотя знаю, что Оля бы не скрыла. Даже после того, как я молча исчез. Нашла бы способ рассказать о беременности, если только...

Ее отец. Нетрудно убедить беременную брошенную девочку в том, что не стоит ничего рассказывать тому, кто тебя бросил. Он недостоин знать о скором отцовстве. Нельзя, говорят, поминать мертвых плохими словами, но хорошего мне сказать нечего. Лев Лебедев всегда был мне ненавистен, и его рука отчетливо была заметна в наших отношениях. Иногда Оля, сама того не подозревая, говорила его словами.

– Макар Игнатьевич, предупредите в саду, что опоздаете, тут пробка в паре километров, уже не объедем.

Голос Лёши отвлекает меня от прошлого. Я быстро набираю воспитательницу и говорю, что задержусь, заберу Степана позже обычного.

– Конечно, Макар. Я останусь с ним, вы же знаете.

Конечно, знаю. Я ей доплачиваю за такие вот сверхурочные. Необходимость появляется редко, но бывает. Раньше задерживался на операциях, последнее время в бумагах. Руки просят скальпель, а вместо этого получают ручку. Надоело, но ближайшая операция у меня через несколько недель.

Руки снова тянутся к фотографии, мысли возвращаются к Оле. Она не сказала. Послушала отца и смолчала. И брат ее тоже ни слова не сказал, хотя я спрашивал. И шесть лет назад, и теперь, когда вышел из СИЗО и привел себя в порядок, первым делом поехал к Стасу. Встретили меня, надо сказать, красиво. Мордобоем. После драки Стас сообщил, что Оля уехала, и потребовал ее не искать.

– У нее прекрасно все в жизни, слышишь? Ее замуж по-

звали, а тут ты. Она себя извела всю за то, что у вас случилось. Жалеет. Вот какого хрена тебе лезть в ее жизнь снова?

– Мне нужны ее контакты. Не дашь – сам узнаю.

– На вот.

Стас ткнул мне свой телефон. Небольшая статья с фотографией Оли. Писательница Оливьена Браун рассказала, что выходит замуж.

– Не стоит тебе ее искать. Ты ничего ей предложить не можешь. Она тебя никогда не простит и ребенка твоего воспитывать не будет. Она вообще детей ненавидит. Чайлдфри. У них там так принято, популярное течение.

Сомнений в том, что ее заставили смолчать, не остается. Врать до последнего, лишь бы я не узнал и не воспитывал своего сына, лишь бы ничего не говорил. Ее отец знал, что я женился, и брат, конечно же, тоже. И про сына узнали, конечно. Ей ничего не сказали, иначе бы она спросила. При первой же встрече спросила, а она не знала. Хотел ей все рассказать. Спустя годы понимаю, что поступил неправильно. Стоило сказать правду, признаться в том, что сделал. После того, что я узнал, становится не по себе. У меня, оказывается, еще один сын растет. Ровесник Степана. Растет без моего участия.

Не замечаю, как автомобиль паркуется у детского садика. Я выхожу, быстро иду за Степаном. Снежана Юрьевна тут же выходит следом. Улыбается.

– Наконец-то вы приехали. Степа про вас спрашивал. Со-

скучился.

Я беру сына за руку и веду к шкафчику. Достая одежду и жду, пока Степа оденется.

– Вы что решили? – спрашивает. – Степан идет в школу в этом году или еще нет?

– Не решил.

– У нас при садике замечательная школа имеется. И психологи. Они помогут вам понять, готов ли Степа к занятиям. Что скажете?

– Попрошу вас не лезть, Снежана. Я сказал – не решил. Как только приму решение – обязательно вам сообщу.

Она замолкает, улыбается уже не так широко, а затем прощается со Степой. Мы выходим на улицу.

– Что будем сегодня делать? – спрашивает.

Я понятия не имею. Не успел придумать. Все мысли были об Оле и о том, что у меня есть еще один ребенок. Тоже сын. Такого же возраста. Интересно, какой он? Пойдет ли в школу в этом году? Есть ли у него успехи в саду? Что он знает обо мне? И знает ли...

– Пап...

– Не знаю. Посмотрим мультфильм?

– Да. Ты нашел интересный?

– Найду.

Утром по пути в сад перезванивает Егор.

– Слушаю.

– Я там информацию кое-какую собрал. Что смог. Номер телефона достал, сегодня позвонил – рабочий, трубку взяла Ольга.

– Хорошо.

Открываю файл. Информации немного, но достаточно, чтобы понять, что она еще не замужем. И сын точно мой. Дата рождения ровно через девять месяцев после нашего расставания.

В самом низу номер телефона и адрес. Не американские. Российские. Егор ошибся? Перезваниваю ему.

– Ошибки нет. Она переехала сюда месяц назад. Вместе с сыном. Как я понял – не временно. Дом в США выставлен на продажу.

Я сглатываю и нажимаю на отбой. Веду Степана в сад, а затем возвращаюсь в автомобиль и несколько минут буравлю взглядом адрес и номер. Позвонить? И что я ей скажу? Что узнал о сыне? Она, может, замуж вышла и счастлива теперь. Однако все равно называю Лёше адрес. Прошу припарковаться и сижу в машине, не зная, чего жду.

Оля появляется спустя минут десять ожидания. За руку с мальчиком, улыбается, идет, что-то ему рассказывает. Я на-

блюдаю со стороны и чувствую, как сжимается все внутри. Хочу подойти к ним, хочу поздороваться с сыном, но понимаю, что не имею права вот так врваться в их жизнь. Сейчас я могу только наблюдать со стороны. И жалеть, что ничего ей не сказал.

Они подходят к машине, у которой их ждет высокий мужчина. Лица не вижу, но он ее обнимает. Кладет руку на талию, прижимает к себе. Помогает ребенку залезть в машину, открывает переднюю дверцу для Оли, обходит машину и садится рядом.

– Поедем следом? – спрашивает Леша.

– Нет. В клинику давай. Потом за Ирой.

Мне нужно подумать, что делать дальше. И думать нужно быстро, потому что вчерашнее интервью должно выйти на днях. Оля может его увидеть. И сын тоже. Он мальчик взрослый, все поймет. Не хочу, чтобы ему было больно, и он узнавал о существовании родного отца вот так – через репортеров.

Глава 3

Оля

– Я не хочу к зубному, – канючит Тимофей, пока я застегиваю ему куртку. – Там будет больно.

– Не будет, – обещаю ему.

Прежде чем записывать сына, я трижды переспросила, смогут ли они обеспечить максимальную безболезненность и не напугать ребенка. Меня заверили, что да. У них есть телевизор с мультиками, а кабинет раскрашен специально для детей. В крайнем случае, как мне сказали, можно сделать седацию. Один укол – и Тимофей уснет, а доктор сможет спокойно полечить зубик.

Буду надеяться, что до седации не дойдет.

– Будет, – нервничает.

Вижу, как в уголках его глаз скапливаются слезки.

– Не будет, – приседаю, чтобы не смотреть на него сверху вниз, чтобы быть словно на равных. – Я говорила с доктором, он пообещал, что тебе ни капельки больно не будет. Если будет, мы уйдем из этой клиники, хорошо?

Немного подумав, сын кивает.

Я бросаю взгляд на наручные часы и отмечаю, что Динар ждет нас внизу уже минут десять. Я обещала, что спустимся за пару минут, но в последний момент опрокинула на себя

чай, и пришлось переодеваться.

С Динаром мы познакомились после моего возвращения. Он оказался моим соседом по лестничной клетке, а кроме того, с золотыми руками. Тревожить брата, который живет со мной в одном городе, не хотелось, поэтому, когда Динар предложил помочь со сборкой кровати для Тимофея, я согласилась. Пыталась, правда, ему заплатить, но он напрочь отказался брать деньги.

Как-то незаметно мы начали общаться. Он забегал ко мне за солью, я неловко обращалась к нему, когда нужна была крепкая мужская сила. Вчера он пригласил меня на свидание и предложил отвезти нас с сыном к зубному, и я не стала отказывать.

На улице я почему-то оглядываюсь. Ощущение, что за мной кто-то наблюдает, но я отгоняю эту мысль. Некому. Мы в полной безопасности. Я вернулась на родину, потому что больше не смогла писать книги, которыми зарабатывала на жизнь все это время. Жить в другой стране недешево, просить денег у брата я была не намерена и решила вернуться. Здесь моих сбережений хватит на безбедную жизнь на двадцать лет, а все это время я не собираюсь сидеть сложа руки.

Освою новую профессию, устроюсь на работу и буду зарабатывать на еще двадцать лет, да и часть гонораров от продажи уже напечатанных книг мне по-прежнему будут перечислять.

Писать я перестала резко. Полгода назад я с трудом допи-

сывала книгу, а еще встреча с Макаром меня немного подкосила, и, как итог, я закончила роман не так, как хотели издатели и мой агент. Переписывать концовку, как они требовали, я напрочь отказалась и разорвала договоры, решив закончить с писательством. Вышла в последний эфир к читателям, извинилась, сказала, что обязательно сообщу, если вдруг решусь писать, но... чувствовала, что этого не случится. Моя последняя книга так и не увидит свет.

– Оля, – Динар, все это время ожидающий нас у автомобиля, делает несколько шагов и обнимает меня за талию.

Я неловко кладу руку чуть ниже изгиба локтя и моментально забываю о том, что еще минуту назад чувствовала на себе чей-то взгляд. До сегодняшнего дня мы с Динаром общались и флиртовали, но он никогда не позволял себе в отношении меня чего-то больше. А сейчас обнимает. И, если не ошибаюсь, касается губами моих волос.

– Привет, – тихо шепчу, отстраняясь. – Мы немного опоздали.

– Ничего. Я успел прогреть салон.

Динар отпускает меня и помогает Тимофею залезть в автотокресло. Я почему-то в этот момент снова осматриваюсь, а затем отвлекаюсь, потому что Динар ведет меня к переднему сиденью и открывает дверцу, помогая забраться внутрь.

Пока едем, я сижу, немного ошарашенная таким поворотом, и не без облегчения отмечаю, что его прикосновения не вызывают во мне отвращения. Я бы даже сказала, мне при-

ятны его объятия и внимание.

Динар видный мужчина, высокий, широкоплечий, статный. На такого не стыдно засмотреться на улице. Из общения узнала, что он владеет своей компанией, небольшой, но достаточно прибыльной. У него личный автомобиль, большая трехкомнатная квартира в самом центре и долгий брак за спиной. Есть ребенок, но ему уже пятнадцать, трудный подросток, поэтому отношения у них складываются плохо.

Мою историю он тоже знает. Не всю, конечно. Я опустила момент, как приезжала сюда полгода назад и снова переспала с бывшим. Правда, об операции сказать пришлось. Он заметил шрамы и удивленно спросил: «Неужели рядом не было мужчины, чтобы подставить свой нос?».

– Выглядишь расстроенной, – замечает.

– Переживаю перед приемом. Тимофей боится стоматологов, – добавляю шепотом, чтобы сын, увлеченный мультиками на планшете, не услышал.

– Понимаю. Мой сын до сих пор их боится. Ни в какую не могу уговорить пойти.

– Его, наверное, сложнее, – замечаю с улыбкой. – Тимофея можно уговорить мультиками и шоколадками.

– Да, с Ринатом это не работает. Ему подавай технику самую дорогую или деньги. Недавно машину запросил, – Динар смеется. – В пятнадцать, представляешь?

– Маленькие детки, маленькие бедки.

– Точно. Главное, не упустить пацана. Мне не удалось. И

Тине тоже. Мы были заняты каждый своим, а Ринат рос будто отдельно. Теперь не признает за авторитет ни мать, ни отца.

– Уверена, он подрастет, и вы наладите отношения.

– Да, куда уж он денется. Конечно, найдем. Кстати, наш ужин сегодня в силе?

– Да.

– Мальца есть с кем оставить? – он кивает на Тимофея.

Я задумываюсь. Вообще-то, я планировала взять его с собой, чтобы не просить брата с ним посидеть. Со Стасом у нас натянутые отношения. Он не мог понять моего стремительного решения переехать, и мы поссорились. Я не хотела брать у него денег, он не понимал, с чего вдруг я возвращаюсь. Пока только шли разговоры о переезде, Стас еще молчал, но как только я переехала, почти совсем перестал со мной разговаривать.

– Тебе не нужно на работу? – спрашиваю у Динара, когда меня попросили выйти из кабинета.

Тимофею все-таки сделали седацию. Он разнервничался, разволновался, начал хныкать, а затем устроил истерику. Успокоился, только когда ему сказали, что ему сделают укол. Необъяснимо, но факт – мой сын не боится уколов, но с ужасом смотрит на стоматологическое кресло.

– На работу? – удивленно спрашивает Динар.

– Ну да. Мы и так тебя задержали.

– Не беспокойся. Все нормально. Я поеду позже. В этом

преимущество работы руководителем, – смеется Динар. – Можно приезжать в любое удобное время.

Я улыбаюсь в ответ. Бросаю украдкой взгляд на кабинет. Волнуюсь за сына. Вдруг проснется. Маловероятно, конечно, но все равно нервно.

– Во сколько мы выезжаем? – спрашиваю, чтобы отвлечь себя от навязчивых мыслей.

– В семь, думаю. Нормально?

– А вернемся?

Мне нужно знать, чтобы понимать, что говорить Насте. Брату, я уже решила, что звонить не стану. Захочет – наберет сам. Не я с ним в обидки детские играю, это он недоволен приездом сестры на родину, а не наоборот.

Вопрос для Динара неожиданный. Он смотрит на меня удивленно, и видно, что не знает, как ответить. Я и сама осознаю, что вопрос из ряда «лучше бы не задавала», но я должна знать, во сколько приеду за сыном.

– Тебе, как Золушке, к полуночи нужно быть дома? – отшучивается.

– К полуночи поздно. Я сына оставлю с женой брата, максимум в десять его уже нужно забрать, чтобы к одиннадцати успеть вернуться и уложить спать.

Динар смотрит на меня внимательно, а я рассматриваю стену за его спиной. Почему-то легкость, присутствующая в нашем общении, куда-то испаряется. У него есть ребенок. Взрослый, но ведь есть. Я думала, он должен понять мои ме-

тания, но он почему-то не выглядит понимающим. Слегка раздраженным и недовольным, но эти чувства быстро сменяются радушной улыбкой и кивком.

– Может, пораньше тогда выедем? В шесть, допустим.

– Можно, – отвечаю с сомнением.

– Ты не подумай, – поясняет он. – Я ничего такого не имею в виду, просто хочу пообщаться с тобой наедине подольше.

Подумать о его словах не успеваю. Дверь в кабинет открывается, и на пороге появляется врач.

– Мы все, – сообщает с улыбкой. – Справились быстрее, чем планировалось.

Тимофей немного сонный, смотрит на меня заспанно, но пока я расплачиваюсь за лечение, разыгрывается и приходит в себя. Хорошо, что все прошло спокойно.

Уже в коридоре Динар сообщает, что не сможет нас отвезти – его срочно вызвали на работу, и ему нужно ехать.

– Я вызвал вам такси, номер у тебя в мессенджере, еще раз извини, что так вышло. Я за ужином расскажу.

Успеваю только кивнуть. Динар прижимает меня к себе, целует в висок и, быстро отстранившись, выходит из клиники.

Наше такси прибывает через несколько минут. Темный внедорожник бизнес-класса останавливается у входа, водитель барабанит пальцами по рулю. При виде меня с ребенком выходит, помогает застегнуть пряжки автокресла.

– Спасибо, – бормочу.

Я заказываю такси «стандарт». Это стоит в несколько раз дешевле, а тратиться на передвижение я не планирую. Стоит, конечно, подумать о покупке автомобиля, но я пообещала себе поразмышлять об этом, как только устроюсь на работу.

По дороге пишу Насте с просьбой забрать Тимофея к себе часиков до десяти. Отвечает она не сразу, потому что видит сообщение поздно.

«Без проблем. Я заеду после садика, ладно? В полшестого где-то».

«Спасибо», – отправляю ей в ответ.

Дома, пока Тимофей складывает конструктор, открываю шкаф. Я не стала забирать все свои вещи и ограничилась только тем, что мне нравится и не утратило свой вид. Остальное отдала в приюты для бездомных. Технику и мебель оставила в квартире. Они уйдут в продажу вместе.

Порыскав в гардеробе, понимаю, что ничего путного, чтобы надеть на ужин в ресторан, там нет. Платья и юбки я не ношу, да и вообще в последнее время сильно расслабилась, накупив множество разнообразных костюмов оверсайз. Люблю большие свободные вещи. В них я почему-то чувствую себя гораздо комфортнее.

Времени на то, чтобы ехать за нарядом, у меня нет, и я решаю написать Насте. У нас с ней примерно одинаковая комплекция. Я на пару сантиметров меньше, но это даже к лучшему. Впрочем, если ничего не найдется, я не особо расстроюсь и пойду в костюме. Слава богу, в столице для женщин

дресс-кодом не предусмотрены оголенные ноги для похода в ресторан.

«Рядом с твоей квартирой есть огромный ТЦ. На первом этаже есть детская комната, где можно оставить Тимофея».

Я перечитываю Настин ответ и понимаю, что никакого желания ехать в торговый центр у меня нет. Видимо, Стася слишком хорошо меня знает, потому что спустя минут десять присылает еще одно смс:

«Я привезу тебе платья, так что не спеши утюжить свои балахоны»

К свиданию, надо заметить, я совсем не готовлюсь. Несколько часов сижу в ноутбуке, откладывая заинтересовавшие меня вакансии, а когда время приближается к пяти, одеваю Тимофея и подвожу стрелками глаза. Пожалуй, хватит. Декоративной косметикой я не пользуюсь, лишь ухаживаю за кожей. Для вечернего похода в ресторан, конечно, стоило бы подкраситься: нанести тональный крем, пудру, румяна, накрасить помадой губы. И я даже порываюсь, но быстро себя одергиваю.

Зачем? Для кого?

Динар видел меня в домашнем халате и с грязными волосами и все равно пригласил на свидание. Вряд ли что-то изменится, когда он увидит меня с макияжем. Тем более, что я все равно не начну краситься. Да и времени нет.

Настя приезжает через десять минут. Вваливается в квартиру с Данькой и платьями в чехлах. Осматривает меня с ног

до головы критическим взглядом и закатывает глаза.

– Раздевайся, сейчас мы тебя соберем.

Глава 4

– Ключи мне оставь! – командует Настя, поправляя последний локон в причёске.

Одновременно с этим раздаётся звонок в дверь, и я вздрагиваю. Пора. Бросаю взгляд в зеркало. Все-таки Настя справилась отлично: накрасить меня успела, волосы мои непослушные уложить и даже зарядить меня позитивом. И правда, чего я так себя накрутила? Это ведь просто ужин. Встреча с женщиной. Общение, ничего больше. Вряд ли у Динара в мыслях затащить меня в постель.

– Привет, – Динар протягивает мне букет цветов. Улыбается.

Одет в темные джинсы и синюю рубашку, выгодно подчеркивающую его подтянутую фигуру.

– Привет. Мне пару минут нужно – сумочку взять и обуться, проходи.

Я открываю дверь шире и приглашаю его в коридор. Динар мнетса, но все же переступает порог. Не разувается – остается ждать у двери. Я быстро возвращаюсь в комнату, хватаю сумочку со столика и под одобрителные кивки Насти выхожу в коридор. Она даже большие пальцы вверх не поленилась поднять, типа: красавчик, нравится, желаю хорошо оторваться.

В коридор она выходит следом за мной, здоровается с Ди-

наром, улыбается, а затем, зараза такая, говорит мне:

– Квартира будет свободна. Я детишек сейчас заберу, закрою, ты же дубликат ключей взяла?

Бросаю в нее убийственный взгляд и, натянув быстро туфли, толкаю Динара к выходу. Мне перед ним неловко. Я полвечера думала о том, как отказать, если он захочет продолжения, а Настя выставила все так, будто я на это только и надеюсь. Квартиру она, блин, освободит.

Динару нужно отдать должное. Он никак не реагирует на слова Насти, спокойно ведет меня вниз, открывает дверь автомобиля, подает руку, чтобы мне было удобно забираться в его большой внедорожник.

Машину он ведет уверенно, спокойно. В дороге я чувствую себя в безопасности. Мы молчим, но это, как ни странно, не нагнетает и не давит. Я смотрю в окно, Динар на дорогу. Комфортно.

Ресторан находится недалеко, но и моя квартира почти в самом центре. За город я уезжать не стала. Там хоть и спокойнее, но автомобиля у меня пока нет, а Тимофею в этом году в школу, да и на кружки он сейчас ходит, а все они в шаговой доступности от нашего дома.

Несмотря на пафосное название «Манхэттен», внутри ресторан выглядит проще. Приглушенный свет навесных светильников, коричневые диванчики, столы, накрытые белыми скатертями. Зал забит, но, несмотря на это, здесь тихо. Нет ощущения, что я попала в пчелиный рой.

– У вас заказан столик? – интересуется администратор, дружелюбно нам улыбаясь.

– Да. Дымов Динар.

Несколько секунд администратор изучает список, после чего кивает и просит следовать за ней.

– Ваш столик, – указывает на стол у окна с видом на город. – Приятного отдыха. Официант скоро подойдет.

Динар отодвигает для меня стул, помогает сесть. Сам размещается напротив. Почти сразу к нам подходит официант, оставляет меню. За изучением блюд нет необходимости разговаривать, хотя мы пришли пообщаться.

– Готовы сделать заказ? – спрашивает подошедший снова официант.

– Да, – отвечаем почти одновременно.

– Если ты не против, я сделаю выбор за тебя, – говорит Динар и, не позволяя мне ответить, делает заказ официанту.

Я настолько ошарашена происходящим, что захлопываю папку с меню, только когда парень в униформе протягивает ладонь, чтобы ее у меня забрать. Пытаясь не подать виду при постороннем, улыбаюсь и протягиваю ему меню. Как только мы остаемся наедине, внимательно смотрю на Динара.

– Я здесь не впервые, – считает необходимым объяснить-ся. – Знаю, какие блюда хорошие и что лучше заказать.

– С чего ты решил, что я не была здесь?

– Ты ведь недавно переехала, сама говорила.

– Да, – киваю. – Но это не означает, что я не в состоянии

сделать выбор самостоятельно.

Я не злюсь, потому что понимаю, что на мое восприятие повлияло длительное проживание среди людей с совсем другим менталитетом. Я не стала феминисткой, но не люблю, когда мужчина позволяет себе слишком много. Хотя не исключаю, что все дело в том, какой именно мужчина. С Динаром мы слишком мало знакомы, чтобы я потеряла голову и позволяла ему все. Он привлекателен, его касания не вызывают во мне отвращения и даже приятны, и его забота, безусловно, мне льстит, но я не готова утонуть в нем с головой.

– Извини, – тут же идет на попятную. – Я позову официанта, отменю свой выбор.

– Не нужно.

Общение не складывается. Динар заметно пытается заглядывать вину, а я настраиваюсь скептически. До того, как нам приносят блюда, мы почти не разговариваем или говорим на совершенно нейтральные темы. Хорошее место для ужина, прекрасный вид и так далее.

– Приятного аппетита, – официант ставит перед нами блюда.

Поначалу я даже пробовать не хочу, но, когда понимаю, что отказалась от предложения изменить заказ, все же беру в руку вилку. Пробую. После пары кусочков нежнейшего мяса мне перед Динаром становится стыдно. Вот что я за баба такая, а? Почему не могла просто промолчать и поблагодарить за то, что он захотел вкусно меня накормить? Ведь действи-

тельно – вкусно. Ничего лучше я не ела. Может, конечно, соскучилась по родным блюдам, но...

– Извини меня, – говорю и тянусь к бокалу. – Зря я так отреагировала. Мясо действительно вкусное.

– Не извиняйся, я все понимаю. Ты приехала из другой страны, отвыкла от мужской заботы. Все нормально. Давай просто забудем и приятно проведем вечер.

Наш вечер заканчивается прекрасно. Из ресторана мы уезжаем гулять по набережной. Держась за руки, неспешно идем вдоль реки и улыбаемся. Вокруг множество влюбленных парочек, смеются, обнимаются, целуются и признаются друг другу в любви. Это заряжает и настраивает на другой ритм.

Видимо, поэтому, когда мы возвращаемся в машину, я совсем не против, что Динар резко притягивает меня к себе и целует. Настойчиво и напористо. Желания я пока не чувствую, но тепло разливается по телу. Я знаю, что он чувствует иначе. Воздух вокруг нас сгущается, его дыхание становится тяжелым и прерывистым, взгляд – полубезумным.

– Поехали ко мне?

Несмотря на отсутствие желания, я не хочу ему отказывать. Не из вежливости, просто... хочу дать себе шанс. Мне просто нужно больше времени. Больше поцелуев, закрытое помещение, возможность расслабиться и знать, что у меня все под контролем. Я должна двигаться дальше.

– Лучше ко мне, – отвечаю смущенно.

– Как скажешь.

Динар заводит двигатель, и уже через минуту мы мчимся по ночной столице ко мне домой. Всю дорогу я прислушиваюсь к себе, ищу сомнения и протесты, но их нет. Я хочу попробовать. В конце концов, я ведь смогу отказать, если пойму, что ничего не чувствую и не хочу продолжать. Если все получится, это будет шаг в другую жизнь.

Припарковав автомобиль у подъезда, Динар помогает мне выйти, берет за руку, переплетая наши пальцы. У самой двери прижимает меня к стене и целует. Страстно и дико. Звук открываемой двери нас отвлекает, улыбающаяся я тут же разворачиваюсь к входу, чтобы пропустить выходящего и зайти в подъезд, но замираю, сталкиваясь взглядом с Макаром. Это он – тот, кто отвлек меня от поцелуя с Динаром, он тот, кого я собиралась пропустить. Он тот, кто за секунду разрушил мое желание продолжать.

Глава 5

Оля

– Макар...

Мои губы решают пожить отдельной жизнью и бормочут растерянно его имя.

– Здравствуй, Оля.

Он отходит с прохода, смотрит то на меня, то на Динара, который стоит за моей спиной. Опускает взгляд на мою талию, где по-хозяйски лежит чужая рука. Динар и не думает меня отпускать. Обнимает крепко, жмет к себе, чувствует, видимо, что вечер закончился и продолжения не будет.

– Вы знакомы? – тихо шепчет мне на ухо.

Я киваю. Единственный едва светящий фонарь над нашими головами освещает недостаточно, поэтому Динар не может рассмотреть Макара. При свете дня он бы сразу понял, что мужчина напротив – отец Тимофея.

– Ты... что... здесь?

– К тебе приходил. Поговорить нужно. Я не вовремя?

Хочу отмахнуться и сказать, что все в порядке, но быстро себя одергиваю.

– Не вовремя, – киваю. – У тебя что-то срочное? Или можем встретиться на неделе?

– Срочное.

У меня ощущение, что я зажата в тиски. Позади стоит Динар, спереди Макар. Оба ждут моего ответа. Молча буравят друг друга взглядами. Я стою, не зная, что делать. Сказать Макару, что разговор подождет, и уйти с Динаром означает дать последнему шанс, а я совершенно не чувствую желания его давать. Оно было, когда мы гуляли, было, когда ехали домой и целовались у подъезда, но сейчас его нет. Улетучилось.

Согласиться поговорить с Макаром сейчас означает остаться с ним наедине: сесть к нему в машину или подняться ко мне в квартиру. Варианты один хуже другого.

Пока я стою, не определившись с решением и словами – мужчины знакомятся. Динар первым протягивает руку, представляется, Макар отвечает. Они перебрасываются парой фраз, а затем Динар позволяет себе решить за меня.

– Давай завтра, ладно? У нас планы сегодня, сам понимаешь.

Макар кивает, но не уходит. Продолжает стоять. И на меня смотрит. Понимаю, что я должна или кивнуть, или...

Я не киваю. Высвобождаюсь из объятий Динара и виновато улыбаюсь.

– Я поговорю, ладно? Ну думаю, что это займет много времени.

Динару такой расклад явно не нравится. Он поджигает губы, но ничего сказать не решается.

– Мы увидимся сегодня еще?

– Нет, – мотаю головой и добавляю. – Я потом все объясню, хорошо? Пожалуйста...

Не хочу, чтобы он начал расспрашивать о Тимофее при Макаре. Впрочем, если Измайлов меня все же нашел, значит, может уже знать о сыне.

– Ты уверена? Я могу пойти с тобой.

Сейчас настойчивость Динара меня даже раздражает. Что ему стоит просто согласиться, взять меня за руку и довести до двери квартиры? Я уже решила, что ни за что не сяду в машину к Макару. Она насквозь пропитана знакомыми запахами, а я не хочу предаваться воспоминаниям. И хочу иметь возможность уйти в любой момент.

– Можем подняться ко мне, – говорю Макару, а сама бросаю взгляд на часы.

Уже начало десятого, мне скоро за Тимофеем. Нужно вызвать такси, доехать и собрать сына, а дом брата расположен довольно далеко. Можно было, конечно, остаться у них, но я не хочу навязывать свое присутствие, когда между нами со Стасом черная кошка пробежала. Он должен понять, что я выросла и он больше не может управлять мной.

Мысли о брате здорово отвлекают. Я не замечаю, как мы троим поднимаемся по лестнице и останавливаемся у моей двери. Я быстро достаю ключи, проворачиваю их в замочной скважине и открываю дверь, пропуская Макара внутрь. Динар в это время притягивает меня к себе и целует. По-хозяйски, прямо в губы, совсем не стесняясь постороннего. Я от-

вечаю машинально, мысли путаются.

– Я зайду через пару часов, когда ты вернешься, – выдыхает мне в губы.

Отказать я не успеваю, просто киваю. Динар ждет, пока я зайду в квартиру и закрою дверь.

Я проворачиваю защелку и разворачиваюсь к Макару, соединяя руки за спиной и прижимаясь ладонями к двери. Дальше идти не хочется. Пусть говорит все здесь и уходит.

– О чем ты хотел поговорить? – спрашиваю.

Взглядом фокусируюсь на открытой дверце шкафчика за его спиной. Присутствие Макара меня волнует, но не нервирует. То ли время пришло и отболело, то ли я в таком сильном шоке, что мне сложно дать оценку происходящему.

– О сыне.

Всего одним словом Измайлов выбивает из меня дух. В груди печет, глаза наполняются слезами, а сердце барабанит о грудную клетку от страха.

Узнал.

– И... что? Чего ты... х-х-хоче-че-шь...

На последнем слове я заикаюсь. Понятия не имею почему. Макар ведь не тиран и не насильник. Я никогда его не боялась, а сейчас не могу совладать со страхом. Наверное, все дело в том, что отца уже нет в живых, а с братом я разругалась. Да и Макар уже не нищий. Шесть лет прошло, кто знает, вдруг он уже не тот, каким я его помню?

– Ты боишься? – не без удивления спрашивает Макар и

делает шаг ко мне, но тут же тормозит и отходит назад.

И правда, чего это я? Макар узнал о сыне, пришел поговорить, что это за реакция дикая?

– Извини, просто... не ожидала, что ты придешь с этим разговором.

– Мне фотографии дали твои и ребенка. Сказали, что мой ребенок растет без отца.

Надо бы извиниться, но я почему-то молчу. Я сделала так, как посчитала нужным, и, если бы была возможность вернуть все вспять, я поступила бы точно так же. Шесть лет назад Макар не заслуживал правды.

– Он растет счастливым, – говорю с искренней улыбкой. – Веселым, жизнерадостным, любознательным мальчиком. Твое отсутствие никак не повлияло на него, как на личность.

– Я был в этом уверен.

– Ты ведь пришел обсудить опеку?

– Только если ты разрешишь.

– А если нет – ты оставишь нас в покое?

Я сглатываю. С моей стороны жестоко об этом даже спрашивать, но я совсем не уверена, что хочу впускать Макара в нашу жизнь. В нашу, потому что в приложении к Тимофею иду и я. Я ведь не смогу оставаться в стороне, мне нужно будет общаться с Макаром, видаться, отвечать на телефонные звонки и смс. Мы должны будем стать друзьями. И он, вполне вероятно, захочет познакомить сына со своей женой.

– Предлагаю обсудить это через несколько дней. У тебя будет время все обдумать, не хочу, чтобы ты порола горячку. Я хочу увидеться с сыном, хочу принимать участие в его жизни, баловать подарками, воспитывать. Черт, Оля, я шесть лет просрал.

Я киваю. Он прав – мне нужно остыть. Успокоиться, взвесить все за и против. Выведать у Тимофея, не ждет ли он отца.

– Есть еще кое-что, – говорит Макар. – Я узнал о сыне от журналистки. Вчера у меня было интервью, и из него вырезали почти все, оставив только ваши фотографии крупным планом и наш с журналисткой разговор. Может, поговорим в квартире? – после небольшой паузы спрашивает Макар. – Я пришел не только из-за сына.

После его слов я наконец отлипаю от двери и стаскиваю с ног туфли. С наслаждением ступаю босыми ступнями на пол и прохожу мимо Макара, задержав дыхание. Не хочу вдыхать его запах, не хочу подтверждать то, что он все еще мне родной.

Иду на кухню, машинально отмечая, что Макар следует за мной. В этой квартире большая, просторная кухня. Хватит места для двоих, чтобы не пересекаться.

– О чем еще хотел поговорить? – спрашиваю, морщась.

У меня сильно раскалывается голова. Пить я не люблю и не умею, но вечер обещал быть романтичным и страстным. Я понадеялась, что головная боль появится уже после того,

как мы с Динаром переспим. О таком завершении ужина я даже не предполагала.

– Обо всем. В прошлый раз нам так и не удалось поговорить.

– Да и не стоит. Я даже рада, что пришла твоя мама, иначе, может, и не узнала бы, что ты женат.

– Мама? – удивленно переспрашивает.

– Она тебе не сказала? – догадываюсь я. – Впрочем, какая разница? Подозреваю, ты хотел поговорить о том, что я и так узнала. О том, что ты женат, стоило сказать еще в кабинете. До того, как я согласилась с тобой переспать. В остальном – это ведь неважно. Столько лет прошло, уже ничего не изменить. Поздравляю с сыном, кстати. Я думала, ты ушел, потому что правда не нагулялся, а ты молодец, поступил правильно. Женился на беременной девушке. На Жанне.

Я не знаю, зачем тараторю всё это. Хочу высказаться, вывалить все, что копила внутри эти полгода. Мне так хорошо жилось в неведении. Я думала, что Макар был просто слишком молод, чтобы увязнуть в одних отношениях. Ему хотелось разнообразия, других женщин, равных себе. Я в его жизнь, как ни крути, не вписывалась. Я бы предпочла не знать всего этого и быть блаженной дурочкой дальше.

– Прости, черт, я не хотел, чтобы ты так узнала.

– Нужно было рассказать. Шесть лет назад. Не считаешь?

– Считаю. Виню себя за то, что не сказал и ушел молча.

– Мы все выяснили, – делаю паузу, потому что чувствую,

как к горлу подкатывает ком. – Что еще обсуждать? Ты ушел, потому что Жанна забеременела. Женился на ней. Хорошо поступил...

Я замолкаю и отворачиваюсь, делая вид, что собираюсь сделать чай. На самом деле пытаюсь не плакать. Сдерживать слезы, которые так и норовят брызнуть из глаз.

– Оля... прошу, выслушай меня. Я не хотел, чтобы все так...

Его голос почему-то звучит ближе, но сил на то, чтобы обернуться и посмотреть, не сократилось ли между нами расстояние, нет.

– Я не мог тебе шесть лет назад сказать, слышишь? Струсил, испугался. Не мог признаться в том, что по глупости провел с ней ночь. Ты бы меня не простила.

– Не простила, – говорю, уже не пытаюсь сдерживать слезы. – И сейчас не прощу.

– Оля... – его рука касается моего плеча, и я разворачиваюсь.

Не хочу больше скрывать от него слезы. Пусть смотрит, знает, что мне больно. Я не должна скрывать свои чувства и делать вид, что сделана из стали.

– Не трогай меня, – голос срывается на крик. – Не смей даже прикасаться. Что ты сюда пришел? Зачем? У тебя же-на есть и ребенок, а ты тут перед бывшей раскаиваешься, – я шмыгаю носом и обнимаю себя руками. – Тебе здесь все равно ничего не светит, а там тебя ждут.

Чувствую, как трясусь. Это подкатывает истерика. Я давно не теряла контроль над своим телом, избавилась от этого почти сразу после рождения Тимофея. Мой уровень ответственности вырос до максимума. Я знала, что просто не имею права дать слабинку перед сыном.

– Нет у меня жены. Мы развелись через год после рождения Степана. Как только у меня появилась возможность подать на развод – я это сделал.

– Я видела свидетельство о браке, твоя мама попросила его достать, представляешь? Приняла меня за уборщицу и мило так попросила залезть на табуретку и взять для нее с полки документы, – я издаю смешок. – И жена твоя меня в кафе нашла. Ты не нашел, а она – да.

Я начинаю трястись сильнее, и Макар подходит ближе. Притягивает меня к себе, окуная в свой, как я и думала, родной запах. Мое тело, вопреки всему, реагирует на него. Становится тепло, и я перестаю трястись. А еще мне хочется его обнять. Дать ему шанс. Меня пробирает злость от собственной тупости.

– Не трогай меня, – бью кулаками его по плечам. – Не трогай, не трогай, не трогай! – выкрикиваю. – Предатель, слышишь? Ты предатель! Бросил меня одну шесть лет назад и женился на этой суке!

Макар все равно меня не отпускает. Прижимает ближе и стойко выдерживает обрушившийся на него град ударов. Молчит. Дышит тяжело и держит меня, пока я выкрикиваю

ругательства и не забываю добавить, что никогда его не прощу.

– Никогда!

Хочу сказать, что ни за что его не подпущу к сыну, но прикусываю язык. В этот момент мой мозг включается, и я перестаю выдавать все, что приходит в голову, перестаю бросаться обидными словами и обзывать его. Я не могу и не буду решать за Тимофея. Он должен знать о том, что его отец хочет с ним общаться. Мои с Макаром отношения не имеют совершенно никакого значения.

Не знаю, сколько раз за последние минуты Макар произнес слово «прости». Не пытался оправдаться, выгородить себя и затронуть тему прошлого еще раз. Я затихаю в его объятиях и перестаю трепыхаться. Утыкаюсь лбом в его плечо. Дышу все еще часто и злюсь на то, что он пришел. Шесть с половиной лет. Долбанных шесть с половиной лет он не появлялся в нашей жизни, а сейчас хочет получить все и сразу. Сына, воспитание, мое прощение!

– Прости, что не искал, что ничего не сказал тебе шесть лет назад. Прости за бездействие. Я так сильно виноват перед тобой и хочу попытаться все исправить, слышишь? Позволь мне все исправить.

– Отойди от меня, – мой голос звучит холодно, разум проясняется, а руки, до этого мгновения сжимающие его рубашку, разжимаются.

Макар отпускает меня и немного отходит. Я же утираю

слезы с щек тыльными сторонами ладоней и, сделав глубокий вдох, отвечаю:

– Нечего исправлять. Ты верно сказал, эти шесть лет ты просрал, и давать тебе шанс все исправить я не намерена. С сыном я поговорю, если он захочет с тобой видиться – подашь на совместную опеку, я все подпишу. И общение наше с тобой прошу минимизировать. Я больше не хочу обсуждать прошлое. Мне неинтересно ничего, что с тобой связано.

Он не пытается ничего сказать, и я, упиваясь своей властью, добавляю, чтобы его добить:

– Я все тебе простила: твой уход, твое молчание все эти шесть лет, даже сына. Но ее я тебе никогда не прощу. Любую другую женщину бы простила, а ее – не могу.

Глава 6

Макар

Я прикрываю глаза. Больно. Ее слова, направленные на то, чтобы задеть, ранят. В самое сердце попадают и рвут его на части. Не то чтобы я думал, что сразу после извинений Оля меня простит и скажет, что ничего страшного не произошло, но... я на что-то надеялся. Учитывая, что пришла она с мужчиной, зря...

Сердце стучит в груди навывлет. Я понимаю ее боль, и от этого становится тошно. От самого себя. Не искал, оставил, отпустил в лучшую, мать ее, жизнь. И где эта жизнь? Она плачет стоит, руками себя обхватила и волком на меня смотрит. Ненавидит.

И с сыном видаться не запрещает. Просит с ней не разговаривать, а ведь общаться все равно придется, как бы там ни было. По мелочам или воспитанию все равно придется разговаривать.

– Уходи, – тихо шепчет. – Уходи отсюда. Мне нужно успокоиться и поехать за Тимофеем.

– Я отвезу, – предлагаю.

Оля резко вскидывает голову, смотрит на меня так, словно

видит впервые.

– У меня есть мужчина, чтобы поехать за сыном. Динар, ты его видел только что. Нет необходимости. И я не готова так скоро представлять тебя Тимофею.

Слушать это больно, но заслужил. Разговаривать вроде как больше не о чем, но уходить не хочется. Понимаю, что никак ее не утешу, ничего не смогу сделать, она меня даже слушать не станет, что бы я ни сказал.

Словно в подтверждение ее слов слышу хлопок входной двери.

– Оля? – видимо, тот самый Динар.

Находит нас безошибочно. Не соврала, действительно в отношениях, раз он так хорошо знает ее квартиру. Но врать – это по моей части, она была со мной честна. Злюсь на себя.

Он подходит к ней, минуя меня и задевая плечом. Сцепив зубы, терплю, хотя откуда-то возникает едва контролируемая злость. Хочется развернуть его к себе за плечо и врезать. Гашу эту злость. Потому что права не имею, и потому что обидел Олю не он, а я. Шесть лет назад обидел, а сейчас заставил ее пережить все это снова.

– Малыш, ты в порядке? – спрашивает у нее, прикасается, трогает за талию, стирает с щек слезы.

Она все это ему позволяет. Мне не разрешила. Обнять позволила и успокоить, а затем оттолкнула. Терпеть не может мое присутствие.

– Он тебя обидел, что ли?

– Нет, – она его удерживает за плечи, цепляется. Не дает отойти. – Все нормально, просто... это отец Тимофея.

Она выговаривает это так, словно после этого все становится понятно. Динар понимает, потому что кивает. Понимает! Знает, значит, сложившуюся ситуацию. Смотрит на меня недружелюбно и даже зло.

– Думаю, тебе лучше уйти, – говорит он. – Сейчас же!

– Оля...

Она тоже просила уйти, но я... не могу ее так оставить!

– Уходи... номер свой оставь и иди. Я позвоню, сообщу все. Спасибо, что предупредил о журналистах.

Пять минут назад она со злостью сказала, что ни за что меня не простит, а сейчас благодарит и даже улыбаться пытается. Динар явно ее успокаивает своим присутствием – и это еще одна стрела, добравшаяся до самого сердца. Я отчетливо понимаю, что натворил. Наверное, только сейчас, когда смотрю на то, как Оля жмет к другому мужчине, как ей спокойно в его объятиях.

Меня сжигает ревность. Дикая. Ее «оставь номер» – как брошенная голодной собаке кость, когда другому псу досталось мясо. Сжимаю зубы, но номер оставляю. Терплю.

– Я буду ждать звонка, – произношу и, развернувшись, иду в коридор.

Не помню, как оказываюсь на улице. Осознаю это, когда вдыхаю воздух полной грудью. Это отрезвляет. Отвлекает от терзающих мыслей. Добравшись до автомобиля, забираюсь

внутри. Сюда я ехал без водителя, захотелось сесть за руль самому. Сейчас жалею, потому что злость поднимается изнутри.

С ней другой. Утешает ее, обнимает, целует... о большем думать я не решаюсь. И так едва держусь. Я, конечно же, сразу понял, каким должен был быть их вечер. Я помешал. От этого почему-то тошно. Понимаю, что у нее должна быть своя жизнь, но понимание ничего не дает. Ревную адски.

Словно в насмешку звонит телефон. Бросаю взгляд на дисплей – Жанна. Внезапно появляется желание выбросить мобильный на хрен. Гашу желание, поднимаю трубку.

– Слушаю.

– Ты разрешишь мне увидеться с сыном? – спрашивает требовательно.

– Он не хочет.

Я не вру. Степан не любит видеться с Жанной. Она, как ни крути, мама хреновая. Не знает ничего о сыне и даже не пробовала ни разу узнать. Просто забирает его, а потом звонит со слезами и говорит, что у нее ничего не получается, просит его забрать. Каждая такая поездка к «маме» заканчивалась для него стрессом, и я решил ограничить их встречи. Совсем. Они полгода не виделись. Она требовала, я отказывал, Степан не просился.

– Я его мать.

– Обратись в суд, – предлагаю. – Тебя быстро лишат родительских прав.

– Какая же ты скотина! – возмущается.

– Ты Олю зачем искала? – спрашиваю в ответ.

Она молчит. Паузу, мать ее, решила выдержать. Или же придумывает причину. В общем-то, неважно, что скажет.

– Кто тебе сказал?

– Сорока на хвосте принесла. Твою мать, Жанна, я что, за грехи какие-то расплачиваюсь? Какого хрена ты лезешь в мою жизнь?

– У нас семья...

– Нет у нас семьи, – я бросаю ругательство от раздражения и вдыхаю воздух поглубже.

Семья у нас. Смешно. У нас и секс-то был один раз, и тот я не помню. Больше я к ней не прикоснулся ни разу, а она убедила Олю, что у нас семья.

– Забудь о Степане, ясно?

– Он нужен мне.

– Подавай в суд тогда.

Я отключаюсь и швыряю телефон на сиденье. Завожу автомобиль. Нужно забрать Степана от матери и поговорить с ней о встрече с Олей. Может, я и правда нагрешил в детстве? Или она ненавидит меня так сильно, что желает сдохнуть в одиночестве?

Глава 7

Оля

Итогом моей слабости перед Динаром становится необходимость объясняться. Кое-что я ему уже рассказывала. Так, в общих чертах упомянула, что отец Тимофея о сыне не знает, потому что ушел от меня к другой женщине, и она родила ему другого ребенка. Я слегка приврала. Я не рассказала Макару ничего, потому что была обижена, и потому что отец не захотел его искать. Убедил меня, что говорить нет смысла – у него своя жизнь, а мы с ребенком в нее не впишемся.

О том, что мама уговаривала меня не портить себе жизнь и сделать аборт, я умолчала. А сейчас рассказываю, потому что внешне выглядит так, будто Макар – вселенское зло, а я брошенная одинокая женщина. Мне почему-то хочется оправдать Измайлова. Подсознательно я понимаю, что это я не сказал ему. Утаила. Не призналась, что беременна, а затем и вовсе пропала с радаров.

Для него новость о сыне как удар обухом по голове – неожиданная и болезненная. Как и для меня новость о том, что он бросил меня, чтобы воспитывать ребенка. Изменил и бросил. Ненавижу! Но все равно оправдываю.

– Вы впервые увиделись? – спрашивает Динар. – Ты так расстроилась.

Он обнимает меня сильнее, гладит по голове и целует в висок. А еще мне кажется, что он возбужден, но стараюсь гнать от себя эти мысли.

О том, что полгода назад мы с Макаром виделись и даже успели переспать, я не говорю. Неправильно это, конечно, начинать отношения с вранья, но рассказывать об этом не хочу и не буду.

– Впервые. Отвезешь меня к сыну?

Я перевожу тему и отстраняюсь. Слезы больше не катятся, эмоции поутихли, а голова продолжает раскалываться.

– Отвезу, конечно.

– Заедем по пути в аптеку? Не стоило мне пить.

– Плохо? У меня в машине обезболивающие есть и бутылка воды.

– Тогда можно без аптеки.

– Идем.

– Я в ванную на секунду.

Взгляда в зеркало хватает, чтобы ужаснуться. Тушь потекла, тональный крем размазался, белки глаз немного покраснели от попавшей косметики, а волосы почему-то взлохмаченные. Я быстро достаю ватный диск и стираю остатки макияжа с лица, расчесываю волосы. С сожалением отмечаю, что заплаканные глаза исправить не могу, да и наносить макияж снова некогда.

Выхожу в коридор, где меня уже ждет Динар. Быстро натягиваю на ноги туфли и хватаю с тумбочки ключи. Передаю

их Динару, потому что у самой руки трясутся. Я физически сейчас неспособна закрыть дверь самостоятельно.

– Держи! – в машине Динар протягивает мне блистер с таблетками и бутылочку с водой.

– Спасибо.

Выпиваю сразу две таблетки и запиваю их большим количеством воды. Откидываюсь на спинку. Динар по дороге не задает никаких вопросов. Молча ведет машину и дает мне время, чтобы прийти в себя. Я ему за это благодарна. Хватит с меня потрясений.

Машина медленно катит по дороге. Середина июля, темнеет поздно, но первые сумерки уже накрыли город. Через десять минут станет совсем темно. Тимофею спать давно пора, а я все еще в дороге. Корю себя за это. Неужели нельзя было иначе? Правильно, как все мамы. Можно позвонить Насте, попросить уложить Тимофея и не дергать его в ночь, но я так не могу. Мне нужно с ним вместе засыпать, убедиться, что он в порядке. В безопасности. Со мной.

После Макара мне сын нужен сильнее прежнего. Не могу я его там оставить.

– Приехали, – говорит Динар. – Я вас здесь подожду.

– Хорошо, я недолго. Тимофей уже собран быть должен, я Насте смс писала.

Она его не прочитала, но просить Динара подождать полчаса я не могу. Постараюсь собрать сына быстро сама.

В доме, по обычаю, шумно. Насколько я знаю, уложить

Даню в десять Настя не может. Хорошо, если он уснет к двенадцати.

«— Задолбалась я режим устанавливать, — призналась однажды подруга. — В десять ложимся, а засыпает все равно не раньше одиннадцати. За час мозг по чайной ложке выедаёт. Надоело.»

Смех Тимофея доносится из гостиной. Иногда мне кажется, что голос своего сына я узнаю, даже если вокруг сотни других детей будут. Так сильно я на него настроена. Мой малыш, только мой. Мне сложно представить, что Тимофеем захочет видаться с отцом, и мне придется его делить. Оставаться без него на выходные. Это вообще возможно?

Разувшись, неспешно ступаю вперед. Я хотела быстро, но сейчас оттягиваю момент. Словно чувствую что-то неладное.

— Оля?

Я подпрыгиваю от неожиданности. Настя застаёт меня врасплох.

— Привет. Я смс писала, что еду, ты не прочитала, — говорю в свое оправдание.

— Телефон найти не могу. Все перерыла.

— Я все равно уже тут. Нас ждут, поэтому...

— Погоди, — Настя хватается за руку. — Тут произошло кое-что.

Мысли хаотично сменяют друг друга. Я сглатываю. Еще не знаю, что услышу, но мне до чертиков страшно.

— Что?

– Ты только не волнуйся, ладно?

– Что случилось?

Сердце ускоряется, пульс частит. Я уже знаю, что ничего хорошего не услышу. Начинают дрожать руки, а ведь я только успокоилась.

– Настя, что? – не выдерживаю.

Кто придумал эти дурацкие паузы? Ожидание всегда хуже самого происшествия.

– Мы телевизор включили, ты же знаешь, Стас новости смотрит, а там...

Объяснять дальше Насте не нужно, но она говорит. Об интервью, о разговоре, о том, что так вышло и они неспециально. Тимофей увидел.

– Мы кое-как отвлекли его, но ты сама понимаешь.

Неправда. В моем случае происшествие хуже ожидания. Я могла все что угодно предположить, но не это, хотя стоило. Сразу, как Макар сказал об интервью, надо было подумать. Стас всегда по вечерам новости включает, смотрит. Неудивительно, что мой любознательный сын их увидел.

– Он вас искать будет, – говорит Настя. – Точно. После интервью – сто процентов, хотя Стас уже юристам позвонил, говорит, ситуация на контроле.

– О чем ты?

– Стас поможет. Сказал, что Макара на пушечный выстрел к Тимофею не подпустит.

– А Стас Тимофею кто? – спрашиваю, не выдержав. – У

него мать есть, вообще-то. Я сама могу решить, что делать.

– Конечно-конечно, – кивает Настя. – Просто Стас сказал, ты сама так решишь.

– Не так, – огрызаюсь.

Она осекается. Смотрит на меня удивленно. Настя не виновата. Это брат у меня. Самодеятельность развел.

– Мама!

Сын появляется неожиданно. Я даже подготовиться не успела, собраться, слова нужные придумать. Разворачиваюсь, объятия распахиваю, обнимаю летящего ко мне на руки Тимофея крепче. К себе прижимаю, к груди прямо, вдыхаю его родной запах. В этот момент обо всем забываю. Мой малыш со мной, рядышком, любит меня, обнимает крепко-крепко.

– Мама, а я папу видел, – сообщает радостно. – По телевизору. Тетенька сказала, что меня нашли. Мы что, потерялись?

Следом за сыном выходит Стас. Пытается его отвлечь, но я пресекаю эти попытки. Хватит всё решать за меня. Вслух я этого при сыне говорить не хочу. Взглядом даю понять, чтобы замолчал и прекратил. Стас понимает, губы поджимает, но рот закрывает.

Я приседаю перед Тимофеем. Вообще, все это сейчас очень сложно. Я меньше часа назад ревела в объятиях Измайлова, а сейчас пытаюсь подобрать слова, чтобы объяснить ребенку ситуацию.

– Оля, нужно поговорить, – бесцеремонно вторгается брат.

Меня в машине Динар ждет. Я сказала, что мы недолго, а сама застряла в разговорах.

– Потом, – отмахиваюсь. – Мы сейчас уезжаем. Нас уже ждут.

– Он?

Я застываю на месте. Смотрю на брата. Он всегда был для меня примером мужественности и силы. Я смотрела на него и думала: как же повезет женщине, которая выйдет за него замуж. Насте и правда повезло. Они не сразу, конечно, сошлись, потому что о ребенке она ему не сказала, но все же. У них все хорошо. Она светится счастьем, сын купается в отцовской любви, дочку родили. Я ни разу не слышала, чтобы Стас на Настю кричал. Ссорились, конечно, как и все, но ультиматумов не помню, ограничений тоже.

Почему я? Я что, настолько безалаберная и глупая, что не в состоянии сама принять решение?

– Тим, – я смотрю на сына. – Тетя Настя тебя оденет, ладно? Мы уедем, и я дома тебе все расскажу.

– О папе?

– Да, о папе. Иди.

Я подталкиваю его к Насте. Она берет его за руку и бросает умоляющий взгляд Стасу, впрочем, брат его игнорирует. Мы поссоримся сейчас, я это отчетливо понимаю.

– Там он в машине? – спрашивает резко.

– Не он, – огрызаюсь потише, чтобы сын не услышал. – Но даже если бы и он, то что?

– Ты поэтому вернулась?

– Я вернулась, чтобы не быть от тебя зависимой, – парирую. – Я не пишу больше ничего, денег не хватит жить в Штатах. Макару о сыне сказали, да я, в общем-то, и не скрывала.

– Я говорил тебе не продавать мой бизнес, но ты меня не послушала.

– Я тебе денег за него перевела, если ты не заметил. Ни копеечки с него не взяла. И руководить им не собиралась. Мне не нравилось управлять отелем.

– Писать ты больше не можешь. Сюда вернулась. У меня больше вариантов нет, кроме него. Вы снова вместе?

Меня раздражает брат. Нервирует этот разговор.

– Да какая, к черту, разница? – не выдерживаю. – Тебе-то что?

– Ты полгода назад уехала сама не своя, денег кучу заплатила, чтобы иметь возможность сбежать, а сейчас что? Снова в ту же реку. Я волнуюсь за тебя, – добавляет уже тише и спокойнее. – Каждая твоя встреча с ним заканчивается побегом. Мы ведь не разговариваем почти в последнее время.

– Не разговариваем мы, потому что ты меня игнорируешь и не поддержал, когда я сообщила о переезде.

– Ты приехала, он узнал о Тимофее. Кому лучше? Конечно, я не хотел, чтобы ты приезжала.

– Тимофей узнал об отце, Стас. Я не могу это игнорировать. И Макар просит не лишать его сына.

– Хочет он! Ты забыла, что он бросил тебя из-за другой? Есть у него сын, зачем ему Тимофей?

– Ты Даню любишь? – спрашиваю у него резко.

Иногда мне кажется, что брат забывает, как у них с Настей все вышло.

– Дурацкий вопрос, люблю, конечно. К чему ты это?

– Представь, что ты еще года четыре о сыне не знаешь. А потом родственники Насти подключают юриста и оставляют тебя за бортом. Приятно?

– Это другое, – упрямо говорит Стас. – Я не бросал ее ради другой.

– Ой ли... благородный. Ты забыл, как таблетку ей швырнул и приказал выпить? Не дай бог забеременеет. Пальто белое снимай, не идет оно тебе. Ты такой же мудака, как и Макар, только тебе возможность исправиться дали, и ты ее не просрал, а ему предлагаешь не давать?

– То есть ты к нему вернешься?

Я трясусь уже вся от злости, настолько Стас меня из себя выводит. Нервничать заставляет. Какая ему разница, что я планирую сделать, вернусь или не вернусь? Его это не касается. И упрямство это нервирует. Не такой он, как же. Настя мне все рассказала, да и Стас скрывать не стал. Сам знает свои косяки, а меня ограждает, отцу Тимофея с сыном видется запретить хочет.

– Я ему дам возможность с сыном общаться, Стас. Тимофей отца увидел, ты заметил, как его глаза загорелись? Я такое игнорировать не могу. Хочет – пусть общаются.

– Я юристам уже позвонил, всех на уши поставил.

– Отозвать придется, значит. Это твоя инициатива, я тебя о ней не просила.

Брат раздраженно фыркает. Мне не нравится этот разговор. Стас мой не такой. Он спокойный, уравновешенный, улыбающийся. Он всегда поддержит и поможет. Так всегда было. Раньше. Сейчас я его не узнаю. Его подменили словно, и мне это не нравится.

– Отец сказал о тебе заботиться и к Макару этому не подпускать.

– Отца здесь нет, – говорю раздраженно. – И ты сам знаешь, что Измайлов нашему папе никогда не нравился. Странно было бы, если б нравился. Сын алкоголички, бедный мальчик, отчаянно желающий стать хирургом. Ты не помнишь, что он мне говорил о нем?

«Зачем он тебе, Оля? Он на врача учится. Ты так свою жизнь представляешь? Такого будущего хочешь? В бедности с врачом? Будешь с ним, лишу тебя всего!» Это забота, потвоему, Стас? Наш папа угрожал мне, а мама на аборт отправляла, а я после всего их все равно послушала. Может, если бы отец меня поддержал, все было бы иначе.

– Он тебе изменил.

Его слова, как хлесткая пощечина, меня отрезвляют. Я ки-

ваю. Молча. Гордо вскидываю голову. Изменил, да. Но он-то знал об этих словах. Слышал. Отец специально говорил это, когда он был в соседней комнате. И кричал громко, чтобы точно долетело.

– А мы все, – радостно сообщает Настя. – Оделись.

– Спасибо, – благодарю ее едва слышно.

Маленькая ладошка сына утопает в моей руке. Я отворачиваюсь от брата и веду сына к выходу. Не хочу больше ни о чем разговаривать. У порога останавливаюсь.

– Юристов отзови, Стас. Я не стану ничего предпринимать.

Настя выходит с нами, просит меня не обижаться на мужа.

– Ты же знаешь, он отходчивый, все в порядке будет. Он не станет ничего делать, обещаю тебе, я поговорю с ним.

– Не стоит. Не порть с ним отношения из-за меня. Стас меня услышал.

Надеюсь. Веры ему нет. Но я не хочу, чтобы Настя лезла в это болото. У них прекрасные отношения, они любят друг друга. Из-за меня ссориться нужды нет.

Глава 8

– Вы долго, – замечает Динар, когда я открываю дверцу его автомобиля. – Я уже собирался идти за вами.

– Задержались, – поясняю, застегивая ремни на детском кресле. – Так получилось. Извини, ладно?

– Сходишь со мной на еще одно свидание? – уточняет, пользуясь моментом.

Как я откажу? Он привез меня на другой конец города поздно ночью, ждал, пока я заберу сына.

– Сходим, – улыбаюсь. – Только без алкоголя.

– Хотя бы глинтвейн, – уговаривает, заводя машину.

– Так хочешь меня спить?

Я отшучиваюсь, хотя сама прекрасно понимаю Динара. Он хочет, чтобы я расслабилась и была собой. Спокойной, легкой, веселой и игривой. Я была такой так давно, что уже и не помню. С ним рядом вот снова вспомнила. Мне понравилось, но стоило появиться Макару, как ракушка, которая на время раскрылась, в ужасе захлопнулась снова. И я в ней. В темноте крошечной. От страха трясусь.

– Ты классная, когда меньше думаешь.

Ну вот, что я говорила. Так и есть!

Домой мы едем медленно, аккуратно. Когда в машине Тимофей, Динар старается не превышать скорость и ехать исключительно по правилам. Еще одно преимущество для ме-

ня, как для женщины, у которой есть ребенок.

Пока едем, Тимофей борется со сном, но, когда до дома остается каких-то пять минут, засыпает. Чувствую себя ужасной мамой. Я забрала его поздно и обещала, что обо всем расскажу, когда приедем, а теперь получается, что он уснул, и наш разговор откладывается.

Динар помогает донести сына до квартиры. Я указываю комнату Тимофея, и он укладывает его в кровать. В коридоре мы мешкаем. Я понятия не имею, как себя с ним вести после того, как мы едва не переспали. Делать вид, что ничего не было, или, наоборот, показывать, что помню о случившемся?

Динар снова берет инициативу в свои руки. Меня берет. Обхватывает за талию, прижимает к себе. Мое хрупкое тело упирается с одной стороны в стену, с другой в мужчину. Я охаю, когда Динар обхватывает меня за затылок и целует. Жадно так, словно давно мечтал и наконец дорвался, хотя целовались мы совсем недавно.

– Я завтра весь день на работе, но вечером зайду с ужином. В восемь, например. Просто посидим, ничего такого, – выдыхает мне в губы и снова целует.

Я пытаюсь расслабиться. Раствориться в его объятиях, возбудиться. Я ведь могу? Могу это сделать? Почему-то ощущение, что нет. Мое тело определенно скучает по мужским ласкам. Я часто по ночам просыпаюсь от острого желания, которое охватывает все тело, но сейчас... мне безраз-

лично.

Я сглатываю, Динар отстраняется. Обнимает меня еще несколько мгновений и, простившись, уходит. Сейчас я даже рада этому. Чувствую себя ледышкой. Холодной и отстраненной, рассудительной до жути. Мне ведь приятны его касания, да и поцелуи нравятся, но... это всё.

Закрываю дверь на защелку, отхожу, затем возвращаюсь и проверяю, точно ли закрылась. Пару часов назад, когда я делала это при Макаре, оказалось, что я машинально открыла дверь, и у Динара появилась возможность беспрепятственно зайти в квартиру и увидеть меня расстроенную и заплаканную.

Голова болеть перестала. Я пропустила момент, когда мне полегчало. Просто понимаю, что чувствую себя нормально. Спать не хочется, поэтому иду на кухню, по пути прихватив из гостиной айпад и стилус к нему. Мне нужно подумать, что я завтра скажу сыну. Тимофей несколько раз спрашивал про отца, и я говорила, что мы не вместе, потому что живем в разных городах. Я почти не врала сыну, но о том, что папа о нем не знает, умолчала. И это тоже нужно как-то ему объяснить.

Пока записываю все, что хочу сказать, в приложение, на телефон поступает смс-сообщение от банка о зачислении средств. Несколько мгновений я смотрю на экран, затем решаю, что это происки мошенников и захожу в приложение, чтобы убедиться, что сумма на балансе осталась прежней.

Ввожу пароль, прохожу фейс-контроль и... зажмуриваюсь. Мой счет действительно пополнен. Без каких-либо комментариев. Просто пополнение. Еще сегодня утром я бы пошла в банк разбираться, спрашивать, откуда такое количество денег, вдруг кто-то ошибся, но сейчас... Я знаю, что никакой ошибки нет. Их прислал Макар.

Несколько минут я жду, что он позвонит или напишет, но от него ничего нет. Ни смс, ни звонка. Я вдруг вспоминаю, что он оставлял на столе, рядом с сахарницей, визитку, но сейчас я ее там не вижу. Я поднимаю сахарницу, чашки, тарелку с конфетами и вазу с печеньем, даже салфетки, но визитки там нет. Он оставил номер телефона, а теперь визитка пропала. Куда она могла деться?

Я заглядываю под стол. Белый прямоугольник валяется рядом с ножкой. Я быстро достаю его и переворачиваю. Добавляю номер в контакты, захожу в мессенджер и открываю окно сообщения. Зависаю, понятия не имея, что написать. Благодарить? Спрашивать, что за деньги? Я и так прекрасно знаю, зачем он их сбросил. Сам же сказал – хочет принимать участие. Вот, принимает.

Мелькнула мысль, что было бы неплохо, если б все можно было вот так оставить... Макар будет молча присылать алименты, а мы с сыном и дальше жить вдвоем. Нет необходимости менять прежний уклад жизни, подстраиваться под друг друга. Наверное, я бы еще потянула некоторое время, прежде чем рассказывать сыну об отце, но теперь он узнал

сам, и у меня просто нет выбора. Завтра я с ним поговорю, а потом, совсем скоро, придется выдержать первую встречу отца с сыном.

Глава 9

Тимофей просыпается рано. Прибегает ко мне, забирается на кровать и расталкивает меня маленькими ладошками.

– Мама! Мама, вставай.

– Ты чего так рано проснулся? – спрашиваю, потирая глаза.

Ночью поспать почти не удалось. Сон пришел ближе к утру, поэтому сейчас чувствую себя разбитой. Глаза слипаются, голова туманная, а Тимофей, по глазам вижу, ждет ответов.

Я вчера что-то писала. Точно записывала в айпад, но тот остался на столе, а я в комнате. Да и там – пара предложений. Они точно не подходят для разговора с сыном.

– Ты обещала рассказать о папе, – словно в подтверждение моих мыслей говорит Тимофей.

– Может, сначала позавтракаем? – делаю попытку отложить разговор.

– Мама! – возмущенно. – Сейчас!

Сглатываю. Сажусь на кровати, подбираю под себя ноги. Размещаюсь в позе лотоса, и... слова застревают в горле. Тимофей смотрит на меня так... доверчиво. Ждет, когда я ему расскажу о папе, а у меня ноль мыслей в голове. Полный ветер и абсолютное непонимание, что говорить.

– А хочешь просто познакомиться? – спрашиваю.

Почему-то кажется, что так будет легче. Пусть задает вопросы отцу. Макару не помешает объясниться перед сыном. Сказать, почему нас бросил. Меня, точнее. О сыне он понятия не имел.

– А можно? Папа сказал, что хочет меня видеть?

– Сказал, – киваю. – Вчера приходил, когда тебя не было. Я позвоню ему, назначу встречу.

Тимофей радостно хлопает в ладоши, а затем хмурится.

– А где папа был раньше?

Неужели я и правда думала, что Тимофей не задаст этот вопрос мне?

– Я ведь уже говорила тебе, помнишь? Мы с тобой все это время жили в другой стране. Далеко-далеко отсюда.

– Мы поэтому приехали? – спрашивает. – Чтобы быть с папой?

– Да.

Я никогда прежде не врала своему сыну. Утаивала информацию об отце – да, но вранья старалась не допускать. Сейчас же не нахожу другого варианта. Мой ответ пресекает расспросы, Тимофей кивает и требует:

– Звони папе. Пусть приходит.

Я выдыхаю с облегчением и встаю с кровати, чтобы приготовить сыну завтрак. Макару пока не звоню, но, когда вижу вопросительный взгляд Тимофея, берусь за телефон.

«Когда ты сможешь приехать?»

Жму «отправить» и откладываю телефон. Ставлю перед

Тимофеем тарелку с блинчиками, вазочку с вареньем и слышу трель смс-сообщения.

«Могу прямо сейчас».

Вдох-выдох. Сейчас точно не надо.

– Это папа? – спрашивает. – Ты уже позвонила?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.